

— Но ты же никогда не делал сахарных человечков, как ты научился?

Фан Шу не помнил, чтобы Эрлян когда-либо делал ему сахарных человечков.

— В детстве, когда я бродяжничал, я очень хотел их попробовать. Я наблюдал, как их делают мастера, и научился, — словно вспоминая что-то неприятное, Эрлян добавил:

— Те мастера использовали мраморные подставки, а здесь только железо, но сойдёт.

Фан Шу почувствовал себя неловко. Он сделал ещё одного человечка для Эрляна, на этот раз не позволяя ему помогать. Он не стал рисовать, а просто написал иероглиф «Лян».

Он протянул его Эрляну:

— Знаю, тебе не нравится, как я рисую, так что я написал твоё имя. Попробуй, чтобы восполнить твою потерю.

От кухни до палатки Хо Тайлина было недалеко, несколько минут пути, но Фан Шу шёл тяжело, делая два шага вперёд и один назад.

Завтра они должны были разойтись по разным маршрутам, и благодаря ему Лю Большой Меч стал более дружелюбным, не таким мрачным. Это было своего рода благодарность.

С такими мыслями он дошёл до двери Хо Тайлина. Охранники обменялись взглядами и пропустили его, но их взгляды были немного странными, с невысказанным подтекстом.

Хо Тайлин, увидев, что кто-то вошёл, немного вздрогнул, но узнав Фан Шу, опустил голову и продолжил чистить трёхствольное ружьё:

— Что привело тебя, Фуянь?

Его голос был спокоен, но отстранён, и Фан Шу пожалел о своей спонтанной идее.

Утром он обнаружил, что его подбородок гладко выбрит, и, вспоминая вчерашнее, подтвердил свои догадки у охранников.

На этот вопрос Фан Шу не знал, что ответить. Он спрятал сахарного человечка за спину.

Хо Тайлин, не услышав ответа, вдруг раздражённо поднял голову и посмотрел на него. Фан Шу просто стоял там, глядя на него.

Фан Шу вдруг спросил:

— Что случилось с этим трёхствольным ружьём?

На полу лежали чертежи, и Хо Тайлин сидел на них. Он указал на место рядом с собой:

— Садись, Фуянь. Здесь немного беспорядка, не так чисто, как у учёных.

Фан Шу осторожно сел, наблюдая, как Хо Тайлин продолжает возиться с ружьём.

Хо Тайлин, кажется, только сейчас вспомнил вопрос:

— Это трёхствольное ружьё часто даёт осечки, стреляет недалеко, иногда мощно, а иногда безрезультатно. Я хотел найти способ исправить это, но, похоже, оно даже не может заменить лук.

— Разве птичье ружьё не лучше? Почему не отказаться от этого трёхствольного?

Говоря об огнестрельном оружии, Хо Тайлин становился сосредоточенным и терпеливо объяснял:

— Если птичье ружьё сделано плохо, оно может взорваться, поэтому мы сохраняем трёхствольное. Правительство тратит на это много ресурсов, но оно всё равно хуже, чем народное!

— Многие вещи, сделанные государством, хуже, чем народные. Например, частная соль тоньше и дешевле, чем государственная.

Хо Тайлин положил ружьё и посмотрел на Фан Шу:

— Что привело тебя сюда, Фуянь?

Его улыбка была немного хитрой.

Фан Шу, держащий сахарного человечка за спиной, уже вспотел от напряжения.

Хо Тайлин заметил его странное поведение и, видя, что одна рука спрятана за спиной, сделал вид, что снова берёт ружьё. Фан Шу вздохнул с облегчением, но вдруг Хо Тайлин быстро схватил его левую руку. Всё произошло так быстро, что Фан Шу не успел среагировать.

Между ними появился криво сделанный сахарный человечек, и Хо Тайлин держал его руку.

Хо Тайлин смотрел на Фан Шу через человечка:

— Что это?

Фан Шу покраснел, будто от усилий или от стыда, его лицо стало розовым, как белый нефрит.

— Сахарный... человечек!

— Я знаю, что это сахарный человечек. Это черепаха?

...

Лицо Фан Шу, только что красное, стало белым:

— Да, это тысячелетняя черепаха.

— О, это чтобы обругать меня?

Фан Шу посмотрел на него:

— Как я могу тебя обругать? Черепаха — это хорошая вещь, она может проглотить реки и озёра, а выплюнуть — целые эпохи! Это комплимент!

— Значит, это для меня? — Хо Тайлин взял человечка. — Но я не люблю сладкое.

Фан Шу почувствовал тяжесть в груди, держа ожог, полученный во время их борьбы, и тихо сказал:

— Если не хочешь, выбрось, это не такая уж важная вещь.

Хо Тайлин, видя его подавленность, внутренне радовался, но не показывал этого, лизнув человечка:

— Хм, господин Фан Шу, твоя черепаха очень сладкая.

Фан Шу хотел вырвать человечка, но Хо Тайлин был выше, и Фан Шу, бросившись на него, не смог дотянуться. Хо Тайлин наклонился к нему и глубоко вдохнул, заставив Фан Шу отстраниться.

— Фуянь, от тебя меньше пахнет.

Вчера, услышав его слова, он долго тёрся в бане, думая, что избавился от запаха!

— Ничего не поделаешь, не могу отмыться, извини, господин Хо.

— Что тут извиняться, Фуянь, ты говоришь странные вещи.

Во время их борьбы из кармана Фан Шу выпала позолоченная серебряная цепочка, оказавшаяся на коленях Хо Тайлина. Он поднял её и покачал перед Фан Шу, его лицо стало мрачным.

— Это женская вещь?

Фан Шу протянул руку:

— Моя, верни!

Он не осмелился подойти ближе, боясь, что его снова обвинят в дурном запахе.

— О, это подарок от возлюбленной?

Если Фан Шу не ошибался, в голосе Хо Тайлина была доля недовольства.

— Это не подарок!

По крайней мере, он так не думал. Подарок должен быть взаимным, а он ничего не дал взамен, даже слова не сказал.

Хо Тайлин положил цепочку себе в карман:

— Раз это не подарок, то отдай мне.

Фан Шу, казалось, вздохнул с облегчением:

— Тогда оставь её себе.

Хо Тайлин быстро съел сахарного человечка:

— Вот каков он на вкус, хех, я никогда не пробовал.

Сахарный человечек был сделан не зря, подумал Фан Шу. Он хотел спросить о его детстве, но решил, что тот, скорее всего, придумает что-то, и лучше не спрашивать.

— Господин Хо, ложись спать.

Фан Шу встал, собираясь уходить, но Хо Тайлин схватил его за руку.

Он посмотрел на профиль Фан Шу:

— Куда спешишь? Завтра мы расстанемся, посиди ещё немного.

Фан Шу вскрикнул от боли. Хо Тайлин держал его руку, на пальце был волдырь.

— Ожог? Неужели... ты сделал это, делая мне сахарного человечка? Ха-ха.

Увидев сжатые губы Фан Шу, Хо Тайлин перестал смеяться и внимательно осмотрел волдырь, а затем взял палец в рот.

От тёплого прикосновения Фан Шу резко отдернул руку.

— Ты с ума сошёл?!

Фан Шу быстро вытер палец об одежду, а затем понюхал его, сморщившись от сладкого запаха.

Хо Тайлин, увидев его выражение, почувствовал себя неловко.

— Говорят, слюна дезинфицирует. Я видел, что ты не обработал рану, а вдруг она воспалится? Пальцы учёных такие нежные!

Фан Шу покраснел до корней волос, не зная, что ответить:

— Я думаю, слюна грязнее.

Хо Тайлин пожал плечами:

— Я видел, как взрослые мажут слюной царапины у детей, как тигры и львы облизывают своих детёнышей. Это называется «любовь родителя».

Какая «любовь родителя»?!

— Ты ещё и пользуешься мной!

Фан Шу был готов выругаться, но только развернулся и ушёл.

Увидев, как Фан Шу уходит, Хо Тайлин улыбнулся, наблюдая, как тот доходит до двери.

— Фан Шу! Я знаю, что ты сделал не черепаху, а рыбу-ло.

Фан Шу остановился, но не обернулся.

Хо Тайлин продолжал:

— Береги себя!

Ты ещё пригодишься.

Фан Шу повернул голову:

— Ты тоже, Тайлин!

Но, подумав, рыба-ло — это плохой знак.

— Если не повезёт, собери мои кости. Положи их под дерево Бодхи.

В голосе Хо Тайлина была бесконечная грусть. Этот ублюдок из монастыря куда ещё пойдёт?

Фан Шу с трудом сделал шаг, словно прошла вечность, прежде чем он сказал:

— Хорошо!

За его спиной Хо Тайлин улыбнулся:

— Не приказы на башне, а перерождение под деревом Бодхи.

Неизвестно, услышал ли это Фан Шу, но его стройная фигура исчезла в ночи, оставив в сердце Хо Тайлина что-то, что начало расти.

<http://bllate.org/book/15514/1378071>